

Институт ЦАРЭС Ежеквартальный экономический обзор

Команда главного экономиста

Январь 2026 г.

№ 19

Институт ЦАРЭС

Ежеквартальный экономический монитор

Команда главного экономиста

Январь 2026 г.

Оговорка

Настоящий 19-й выпуск «Экономического монитора» Института ЦАРЭС был подготовлен Командой главного экономиста, в составе Эльвиры Курманалиевой (Резюме, Внешняя торговля и Инфляция), Исинь Яо (Выпуск), Шилян Лу (Прогноз) и Цзянь Чжан (Инвестиции), под руководством Коуцина Ли. Вставку I подготовил Каха Гоголашвили, вставку II – Разия Абдиева, вставка III – Тувшинтогс Батдэлгэр и Номун Энхболд. Особая благодарность Хо Эе Хору за комментарии и предложения.

Взгляды, выраженные в данном обзоре, являются взглядами авторов и не обязательно отражают взгляды или политику Института ЦАРЭС, его финансирующих организаций или его Управляющего совета. Институт ЦАРЭС не гарантирует точность данных, включенных в настоящий обзор, и не несет ответственности за любые последствия их использования. Используемая терминология может не обязательно соответствовать официальным терминам Института ЦАРЭС. Институт ЦАРЭС не принимает на себя никаких обязательств или ответственности за использование настоящего обзора любой стороной или за последствия того, что любая сторона полагается на информацию или данные, представленные в нем.

Обозначая или упоминая какую-либо конкретную территорию или географическую область, или используя названия стран в обзоре, авторы не намеревались выносить какое-либо суждение относительно правового или иного статуса какой-либо территории или области. Границы, цвета, обозначения или любая другая информация, показанная на картах, не подразумевает какого-либо суждения о правовом статусе какой-либо территории, а также одобрения или принятия таких границ, цветов, обозначений или информации.

Данный обзор доступен на условиях лицензии Creative Commons Attribution 3.0 IGO (CC BY 3.0 IGO) <https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo/>. Используя содержание этого обзора, вы соглашаетесь с условиями этой лицензии. Данная лицензия CC не распространяется на другие авторские материалы в этом обзоре. Если материал относится к другому источнику, пожалуйста, свяжитесь с владельцем авторских прав или издателем этого источника для получения разрешения на его воспроизведение. Институт ЦАРЭС не несет ответственности за любые претензии, возникшие в результате использования вами данного материала.

Авторы признают использование моделей искусственного интеллекта (www.deepseek.com и www.deerl.com) для помощи в редактировании и переводе текста при подготовке данной публикации.

Институт Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества (ЦАРЭС)
20-й и 21-й этажи, коммерческое здание блок 8, Ванке Метрополитен
No. 66 Лонгтенг Роуд, Шуимого район, Урумчи, Синьцзян, КНР
Факс: +86-991-8891151
km@carecinstitute.org
www.carecinstitute.org

СОДЕРЖАНИЕ

Резюме:	6
Устойчивый рост на фоне разнонаправленных факторов инфляционного давления и трендов в торговле создает условия для более умеренных перспектив	6
Выпуск:	7
Сильный и устойчивый рост, стимулируемый внутренним спросом и обеспечиваемый сырьевым и производственным секторами	7
Инфляция:	8
Замедлилась на фоне повышения процентных ставок, но давление со стороны спроса сохраняется	8
Внешняя торговля:	9
Несмотря на изменение структуры торговли, воздействие колебаний мировых цен сохраняется....	9
Инвестиции:	10
КНР остается ведущим источником ПИИ на фоне сокращения притока инвестиций в страны, не имеющие выхода к морю.....	10
Прогноз:	11
Ожидается замедление роста по мере ослабления динамики внутреннего спроса	11
Вставка I:	13
Чем обусловлен высокий экономический рост в Грузии?	13
Вставка II:	17
Тенденции в сфере банковского кредитования в Кыргызской Республике: источники и экономические последствия	17
Вставка III:	21
Влияние «дзуда» на экономику Монголии	21

Рисунки

Рисунок 1. Реальный рост ВВП (в %, г/г, накоп.).....	7
Рисунок 2. Рост ВВП по секторам (% , г/г, накоп).....	7
Рисунок 3. Инфляция: индекс потребительских цен (в %, г/г)	8
Рисунок 4. Монетарные условия (ключевая ставка центрального банка скорректированная на инфляцию, в % за год).....	8
Рисунок 5. Цены на сырьевые товары (рост, в %, г/г)	9
Рисунок 6. Показатели платежного баланса (в % от ВВП)	9
Рисунок 7. Доля внешних финансовых потоков в развивающиеся страны в 2024 году (по категории, в %).....	10
Рисунок 8. Исходящие ПИИ КНР в страны ЦАРЭС в период 2016-2024 гг, в 10 тыс. долл. США.....	11
Рисунок 9. Входящие ПИИ в КНР из стран ЦАРЭС в 2024, накоп. в 10 тыс. долл США	11
Рисунок 10. Объемы депозитов и кредитов в Кыргызской Р., в течение 9 месяцев 2025 года	17
Рисунок 11. Объемы выданных кредитов коммерческими банками в Кыргызской Р., в национальной и иностранной валюте в течение 9 месяцев 2025 года	18
Рисунок 12. Денежная база и денежное предложение (M2X) в Кыргызской Р. (2018-2025 гг.)	19
Рисунок 13. Объемы выданных кредитов и принятых депозитов в Кыргызской Р. (2018-2025 гг.) ..	19
Рисунок 14. Падение поголовья скота и рост ВВП сельскохозяйственного сектора в Монголии, 1995-2024 гг.	22

Таблицы

Таблица 1. Реальный рост ВВП (в %, г/г)	12
Таблица 2. Качественная оценка источников экономического роста Грузии (2024–2025)	15

Аббревиатуры

АБР	Азиатский Банк Развития
ВБ	Всемирный Банк
ВДС	Валовая добавленная стоимость
ВВП	Валовый внутренний продукт
г/г	год к году (в годовом исчислении)
ЕС	Европейский союз
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
ИПЦ	Индекс потребительских цен
КНР	Китайская Народная Республика
МВФ	Международный Валютный Фонд
НБКР	Национальный банк Кыргызской Республики
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
ПМЭ, GEP	Перспективы мировой экономики, Global Economic Perspectives
ПМЭ, WEO	Перспективы мировой экономики, World Economic Outlook
ПРА, ADO	Перспективы Развития Азии (Asian Development Outlook)
ПРООН	Программа развития Организации объединенных наций
США	Соединенные Штаты Америки
9М	Январь-сентябрь
ЦАРЭС	Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество
ЮНКТАД	Конференция Организации объединенных наций по торговле и развитию
CEIC	база данных CEIC

Резюме:

Устойчивый рост на фоне разнонаправленных факторов инфляционного давления и трендов в торговле создает условия для более умеренных перспектив

В 2025 году регион ЦАРЭС продемонстрировал устойчивый экономический рост, средний¹ рост ВВП составил **5,6%**. Такие высокие показатели были достигнуты несмотря на повышенную глобальную неопределенность и были подкреплены устойчивым внутренним спросом, продолжающимися государственными и частными инвестициями, а также, частично, ростом экспорта сырьевых товаров и услуг. При этом структура роста в большей степени отражает динамику, **обусловленную спросом и внешними факторами**, что вызывает вопросы о его дальнейшей устойчивости по мере нормализации глобальной конъюнктуры.

Показатели роста в регионе оставались неравномерными. Быстрорастущие экономики, такие как Кыргызская Республика, Таджикистан, Грузия, Казахстан и Узбекистан, продемонстрировали рост выше среднего по региону, в основном благодаря строительному сектору, расширению сферы услуг и высокому уровню потребления. Напротив, Пакистан, Афганистан и Азербайджан зафиксировали более медленный рост из-за отраслевых ограничений, в первую очередь в добывающих отраслях. Монголия и КНР оказали стабилизирующее влияние на региональный рост. В то же время в Монголии наблюдалось сильное восстановление сельского хозяйства после погодных катаклизмов в предыдущем году. Во **вставке III** анализируется уязвимость экономики и домохозяйств в Монголии к зимним экстремальным погодным условиям.

Инфляционное давление ослабло к концу 2025 года, и средний уровень инфляции потребительских цен замедлился до **5,8% в годовом исчислении**. Такое замедление инфляции было в значительной степени обусловлено **ужесточением денежно-кредитных условий** в странах с высоким уровнем инфляции, включая Казахстан, Кыргызскую Республику, Монголию и Узбекистан. В то же время инфляция ускорилась в Афганистане, Азербайджане, Грузии и Пакистане, в результате чего средний показатель по региону превысил медиану. Устойчивое давление со стороны внутреннего спроса по-прежнему проявлялось в продолжающемся быстром росте широкой денежной массы, особенно в Кыргызской Республике, где активное расширение потребительского и ипотечного кредитования стимулировало спрос и способствовало росту инфляции (**Вставка II**).

Внешние балансы некоторых стран, экспортеров сырьевых товаров, ухудшились на фоне снижения мировых цен на энергоносители, в то время как экспортеры драгоценных металлов выиграли от высоких мировых цен и спроса на золото. Региональная торговля по-прежнему остается подверженной колебаниям мировых цен на сырьевые товары, но также демонстрирует признаки перестройки и углубления интеграции. Экспортеры нефти и газа столкнулись с сокращением профицита в торговле, в то время как экспортеры золота, напротив, отметили улучшение торговых балансов. КНР зафиксировала рекордно высокий профицит, обусловленный экспортом высокотехнологичной продукции. Азербайджан и Грузия укрепили свою роль транзитных центров благодаря улучшению трансграничной инфраструктуры. **Вставка I** содержит подробный анализ исключительно высокого роста ВВП Грузии, в котором подчеркивается его зависимость от временных факторов, таких как миграционные потоки, туризм и реэкспорт, а не следствие устойчивых структурных преобразований. КНР осталась крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций в регион, хотя приток ПИИ в страны ЦАРЭС, не имеющих выхода к морю, резко сократился в 2024 году.

¹ Медианы и средние значения по региону в данной публикации рассчитаны на основе имеющихся данных по странам.

В перспективе прогнозируется замедление роста в регионе до **4,6% в 2026 году** и **4,5% в 2027 году**. Это замедление отражает снижение темпов роста внутреннего спроса, ужесточение кредитных условий и ослабление внешнего спроса. Для поддержания высоких темпов роста необходимо устранить структурные уязвимости, в том числе чрезмерную зависимость от денежных переводов и отдельных видов сырьевых товаров, а также ускорить диверсификацию экспорта и реформы, направленные на повышение производительности.

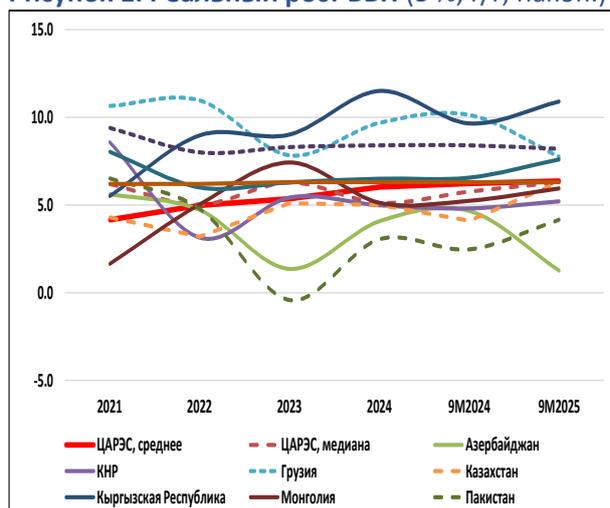
Выпуск:

Сильный и устойчивый рост, стимулируемый внутренним спросом и обеспечиваемый сырьевым и производственным секторами

В 2025 году экономический рост в регионе ЦАРЭС оставался устойчивым, хотя и с заметными различиями между странами. К сентябрю 2025 года средний рост ВВП в регионе достиг 6,3% в годовом исчислении по сравнению с 5,8% за первые девять месяцев 2024 года (Рисунок 1). Эти высокие показатели были достигнуты несмотря на слабое восстановление мировой экономики, что подчеркивает устойчивую динамику роста в регионе.

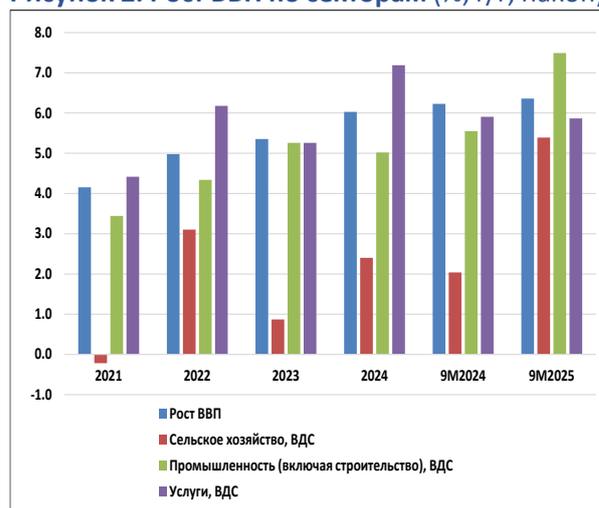
Внутри региона самый быстрый рост был зафиксирован в Кыргызской Республике (10,0%), за которой следовали Таджикистан (8,2%), Грузия (7,7%), Узбекистан (7,6%), Казахстан и Туркменистан (оба – 6,3%). Монголия и КНР обеспечили стабильную поддержку, достигнув к сентябрю роста на 5,9% и 5,2% соответственно. Напротив, Пакистан и Азербайджан отставали с ростом 4,2% и 1,3%, что отражает структурные и отраслевые ограничения (Таблица 1).

Рисунок 1. Реальный рост ВВП (в %, г/г, накоп.)

Источники: CEIC, национальные ведомства, расчеты авторов

Рисунок 2. Рост ВВП по секторам (%, г/г, накоп.)

Источники: CEIC, национальные ведомства, расчеты авторов

Промышленная деятельность, включая строительство, к сентябрю 2025 года выросла в среднем на 7,5% по сравнению с предыдущим годом (Рисунок 2). Лидером промышленного роста стала Кыргызская Республика, чему способствовали крупномасштабные инфраструктурные проекты, в том числе начало строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан. Промышленный рост Пакистана был обусловлен инвестициями в инфраструктуру, связанными с экономическим коридором Китай–Пакистан, а рост Узбекистана отражал продолжающиеся реформы, поддерживающие производство и услуги. Промышленный рост Казахстана был обусловлен транспортом и строительством, а КНР продолжала служить двигателем регионального роста, чему

способствовало восстановление потребления и производства, особенно в секторах возобновляемой энергии и цифровой экономики.

Производство сельскохозяйственной продукции резко восстановилось, увеличившись на 5,4% по сравнению с предыдущим годом, что более чем в два раза превышает показатель, зафиксированный в сентябре 2024 года. Особенно заметным было восстановление в Монголии, где рост сельскохозяйственного производства ускорился после резкого спада, вызванного суровыми зимними условиями в предыдущем году. Сельскохозяйственный сектор Афганистана также продемонстрировал постепенное восстановление, чему способствовали улучшение безопасности и рост трансграничной торговли.

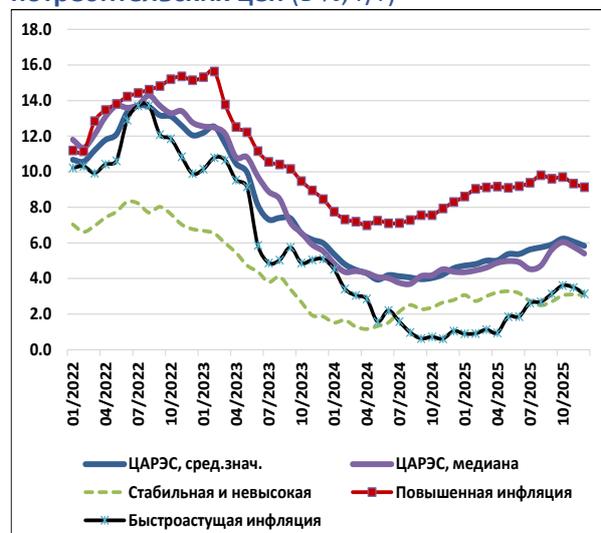
Инфляция:

Замедлилась на фоне повышения процентных ставок, но давление со стороны спроса сохраняется

Инфляционное давление в регионе ЦАРЭС начало ослабевать в последнем квартале 2025 года. Средний уровень инфляции потребительских цен в декабре снизился до 5,8% в годовом исчислении, что немного ниже, чем три месяца назад, и ниже медианного показателя по региону (Рисунок 3). Это ослабление в значительной степени отражало ужесточение денежно-кредитной политики в странах с ранее высоким уровнем инфляции, в частности в Казахстане, Кыргызской Республике, Монголии и Узбекистане.

Несмотря на это снижение, инфляция в этих странах оставалась выше, чем в декабре 2024 года, что свидетельствует о неполной корректировке. В то же время во второй группе стран – Афганистане, Азербайджане, Грузии и Пакистане – инфляция выросла, а средние показатели увеличились до примерно 3,1% по сравнению с 2,2% годом ранее. Третья группа, включающая КНР и Таджикистан, продолжала демонстрировать относительно низкую и стабильную инфляцию, хотя к концу года наблюдался ее умеренный рост, поскольку ранее принятые меры смягчения денежно-кредитной политики начали давать эффект.

Рисунок 3. Инфляция: индекс потребительских цен (в %, г/г)

Источники: CEIC, национальные ведомства, расчеты авторов

Рисунок 4. Монетарные условия (ключевая ставка центрального банка скорректированная на инфляцию, в % за год)

Источники: CEIC, национальные ведомства, расчеты авторов

Фундаментальное давление со стороны спроса оставалось сильным. Рост широкой денежной массы в ноябре 2025 года составил в среднем 18,8% в годовом исчислении, ускорившись по

сравнению с сентябрем и оставаясь выше уровня конца 2024 года. Особенно быстрый рост наблюдался в странах с высоким уровнем инфляции, включая Кыргызскую Республику и Узбекистан, где расширение кредитования, особенно в сфере потребительского и ипотечного кредитования, продолжало поддерживать внутренний спрос (Вставка II).

Хотя в 2025 году центральные банки нескольких стран повысили учетные ставки, средние реальные денежно-кредитные условия в регионе в целом остались практически неизменными (Рисунок 4). В некоторых странах реальные процентные ставки оставались низкими или отрицательными, что продолжало стимулировать спрос и инфляцию. В других странах, в частности в Монголии и Узбекистане, ужесточение политики помогло ослабить инфляционное давление. В целом, сохранение высокого спроса свидетельствует о том, что дезинфляция остается неустойчивой и зависит от последовательности и согласованности денежно-кредитной политики.

Внешняя торговля: Несмотря на изменение структуры торговли, воздействие колебаний мировых цен сохраняется

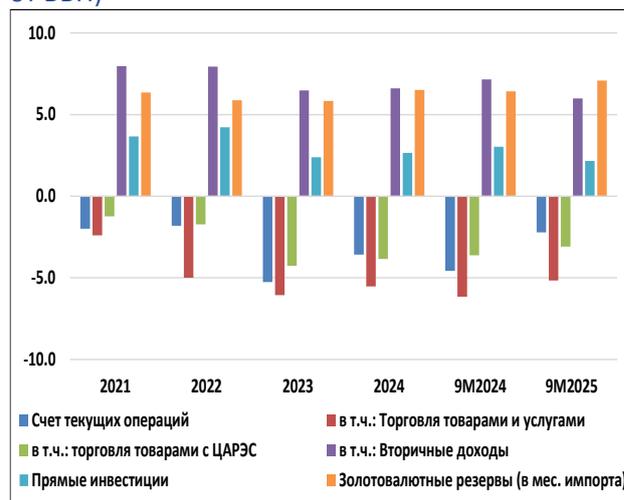
Динамика торговли в регионе ЦАРЭС в 2025 году определялась снижением мировых цен на энергоносители, высоким спросом на драгоценные металлы и продолжающимся улучшением региональной транспортной доступности (Рисунок 5). Замедление мирового спроса на нефть в сочетании с избыточным предложением оказывало давление на цены на энергоносители, в то время как повышенная геополитическая неопределенность поддерживала высокие цены на золото. Цены на продовольствие умеренно снизились, что отражало улучшение условий предложения и снижение затрат на энергоносители.

Рисунок 5. Цены на сырьевые товары (рост, в %, г/г)

Источники: Всемирный банк, расчеты авторов

Рисунок 6. Показатели платежного баланса (в % от ВВП)

Источники: CEIC, национальные ведомства, расчеты авторов

Эти глобальные тенденции привели к различиям в показателях торговли в регионе. Экспортеры нефти и газа столкнулись с сокращением профицита торгового баланса и счета текущих операций на фоне падения цен на энергоносители и высокого спроса на импорт, в то время как экспортеры золота выиграли от благоприятной динамики цен (Рисунок 6). Экономики, зависимые от импорта, по-прежнему демонстрировали значительный дефицит торгового баланса, что отражало высокий внутренний спрос на импортируемые потребительские и инвестиционные товары.

КНР зафиксировала рекордно высокий профицит внешней торговли, чему способствовал устойчивый экспорт высокотехнологичной промышленной продукции. В то же время улучшение транспортной инфраструктуры и углубление региональной интеграции изменили структуру торговли в рамках ЦАРЭС. Улучшение транспортного сообщения вдоль Среднего коридора укрепило роль Азербайджана и Грузии как транзитных центров, повысив их участие во внутрирегиональной торговле. Торговля между КНР и несколькими странами ЦАРЭС, включая Кыргызскую Республику, Азербайджан и Грузию, значительно расширилась, что отражает растущие экономические связи в регионе.

Инвестиции:

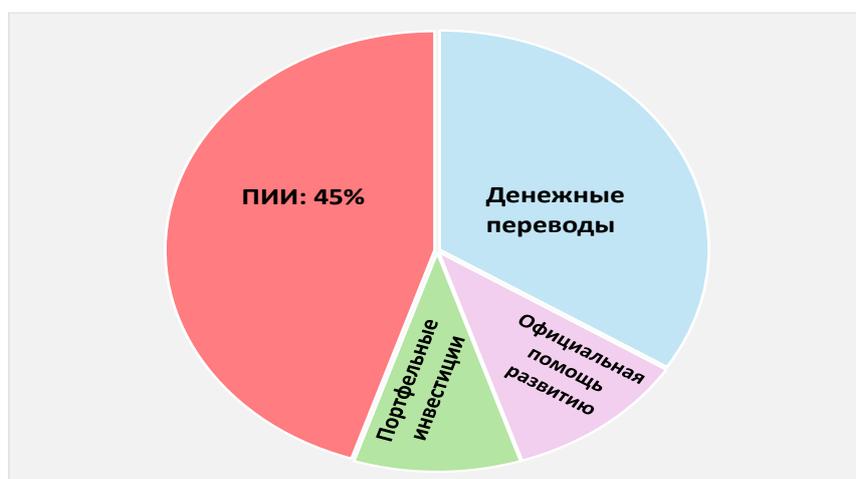
КНР остается ведущим источником ПИИ на фоне сокращения притока инвестиций в страны, не имеющие выхода к морю

Прямые иностранные инвестиции по-прежнему остаются наиболее стабильным источником внешнего финансирования для развивающихся экономик, составляя около 45% от общего объема внешних финансовых потоков в 2024 году (Рисунок 7). В рамках ЦАРЭС большинство экономик, за исключением КНР, Грузии и Пакистана, относятся к категории развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, что является структурной характеристикой, которая сдерживает их инвестиционную привлекательность.

Приток ПИИ в страны Азии, не имеющие выхода к морю, резко сократился в 2024 году, снизившись на 42% до около 7 млрд. долл. США, что было вызвано в основном сокращением притока инвестиций в Казахстан и несколько стран, не входящих в ЦАРЭС. Эти слабые показатели отражают сохраняющиеся структурные барьеры, включая ограниченный размер рынка, высокие транспортные расходы и институциональные ограничения, которые сдерживают долгосрочные частные инвестиции, несмотря на высокие показатели роста.

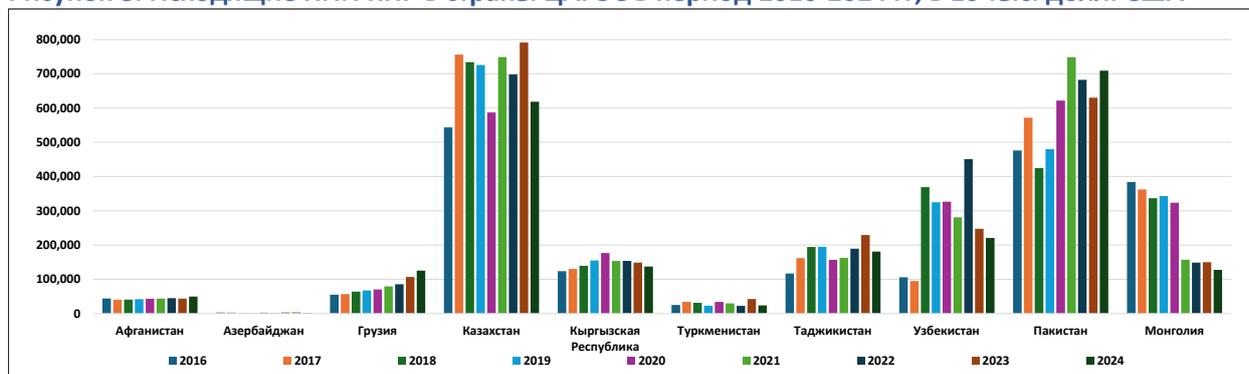
В глобальном масштабе США, Япония и КНР оставались крупнейшими источниками оттока ПИИ. По объему ПИИ (Рисунок 8 и 9) КНР была крупнейшим инвестором в развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, в 2023 году. Однако портфельные инвестиции из КНР в страны ЦАРЭС оставались минимальными, что подчеркивает ограниченное проникновение нестратегического частного капитала в регион.

Рисунок 7. Доля внешних финансовых потоков в развивающиеся страны в 2024 году (по категории, в %)

Источники: ЮНКТАД, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР

Рисунок 8. Исходящие ПИИ КНР в страны ЦАРЭС в период 2016-2024 гг, в 10 тыс. долл. США

Источник: Министерство коммерции КНР

Рисунок 9. Входящие ПИИ в КНР из стран ЦАРЭС в 2024, накоп. в 10 тыс. долл США

Источник: Министерство коммерции КНР

Прогноз:

Ожидается замедление роста по мере ослабления динамики внутреннего спроса

В 2025 году экономические показатели региона ЦАРЭС оставались стабильными благодаря высокому уровню внутреннего потребления, стабильным инвестициям и устойчивой торговле. Однако рост в ряде стран все в большей степени сдерживается структурными факторами уязвимости, в том числе сильной зависимостью от трансграничных денежных переводов и отраслей, связанных с экспортом сырья, что повышает их подверженность внешним шокам.

Международные финансовые институты прогнозируют постепенное замедление темпов роста в регионе: средний рост ВВП снизится с 5,6% в 2025 году до 4,6% в 2026 году и 4,5% в 2027 году (Таблица 1). Хотя в некоторых странах, в частности в Афганистане, Монголии и Пакистане, ожидается временное ускорение роста, в большинстве стран ЦАРЭС прогнозируется замедление роста в связи с ослаблением внутреннего спроса и ухудшением внешних условий.

В среднесрочной перспективе для поддержания роста потребуется переход от стимулирования спроса к реформам, направленным на повышение производительности. Приоритетными задачами являются диверсификация экспорта, укрепление развития частного сектора, повышение качества человеческого капитала и укрепление устойчивости к внешним и климатическим потрясениям. Без таких реформ регион рискует постепенно утратить динамику роста по мере ослабления его текущих драйверов.

Таблица 1. Реальный рост ВВП (в %, г/г)

	2015-19	2020	2021	2022	2023	2024	2025 9М	2025О	2026П	2027П
								Средний прогноз АБР, МВФ, и Всемирного банка		
Афганистан*	-2.4	-2.1	-20.7	-6.2	2.3	1.7		3.1	2.8	3.5
Азербайджан	0.8	-4.3	5.6	4.6	1.1	4.1	1.3	1.4**	2.1	1.7
КНР	6.7	2.3	8.6	3.1	5.4	5.0	5.2	5.0**	4.4	4.1
Грузия	4.0	-6.3	10.6	11.0	7.8	9.7	7.7	7.1	5.3	5.0
Казахстан	2.5	-2.5	4.3	3.2	5.1	5.0	6.3	6.5**	4.5	4.1
Кыргызская Республика	4.2	-7.1	5.5	9.0	9.0	11.5	10.0	11.1**	6.7	6.8
Монголия	3.9	-4.6	1.6	5.0	7.4	4.9	5.9	5.7	5.6	5.5
Пакистан*	3.8	-0.9	5.8	6.2	-0.2	2.5	4.2	2.8	3.1	3.8
Таджикистан	6.9	4.5	9.2	8.0	8.3	8.4	8.2	8.4**	6.2	4.7
Туркменистан	6.3	5.9	5.0	6.2	6.3	6.3	6.3	4.3	4.1	
Узбекистан	5.8	1.6	8.0	6.0	6.3	6.5	7.6	6.5	6.2	5.9
ЦАРЭС сред.	3.9	-1.2	4.0	5.1	5.3	6.0	6.3	5.6	4.6	4.5

*Годовой темп роста ВВП рассчитывается на основе финансового года. Однако для сопоставимости стран 9-месячный темп роста ВВП здесь рассчитывается на основе календарного года.

** Реальный рост ВВП по данным национальных статистических ведомств.

Примечание: 1. Зеленый цвет означает, что рост в 2025 году (прогноз) выше, чем в 2024 году, красный цвет — ниже, чем в 2024 году. 2. Данные, представленные в колонке «2027П», являются исключительно прогнозами Всемирного банка, за исключением КНР, Казахстана и Пакистана, где учитывается среднее значение прогнозов МВФ и Всемирного банка.

Источники: АБР (АДО, прогнозы на сентябрь 2025 г., прогнозы на декабрь 2025 г. для КНР и Казахстана), МВФ (WEO, прогнозы на октябрь 2025 г., прогнозы на январь 2026 г. для КНР, Казахстана и Пакистана), ВБ (GEP, прогнозы на январь 2026 г.).

Анатомия роста

Исключительный рост Грузии в 2024 году — 9,7%, за которым последовал рост на уровне 7–8% в первых трех кварталах 2025 года, отражает редкое стечение внешних факторов: приток капитала, спрос, обусловленный миграцией, изменение структуры торговли и начинающиеся структурные преобразования. Хотя эта комбинация факторов привела к впечатляющим цифрам, большая часть сегодняшнего роста основана на временных факторах, которые не могут сохраняться в течение длительного времени. Поэтому основная задача политики заключается не в том, как поддерживать высокий рост в краткосрочной перспективе, а в том, как преобразовать сегодняшний внезапный рост в устойчивое развитие, основанное на повышении производительности. С ростом, близким к двузначному в 2024 году и остающимся высоким в течение 2025 года, Грузия выделяется в регионе ЦАРЭС. Однако высокий рост сам по себе не гарантирует развитие. Устойчивость роста Грузии зависит от его структуры — от того, обусловлен ли он структурным повышением производительности или временными внешними и циклическими факторами. Чтобы выйти за рамки общих показателей роста, полезно проанализировать основные механизмы, которые в настоящее время определяют объем производства и спрос в Грузии. В приведенном ниже анализе выделяются пять взаимодействующих факторов — некоторые из них в основном временные и обусловленные шоками, другие носят более структурный характер — которые в совокупности объясняют выдающиеся показатели развития страны.

Внешние поступления. Доходы от туризма, экспорт услуг и денежные переводы составляют первую основную составляющую роста. Туризм превысил допандемийный уровень, а ИКТ и профессиональные услуги стали значимыми источниками экспортной выручки. В 2023–2024 годах доходы от туризма сильно выросли, превысив доковидный уровень благодаря притоку туристов из ЕС, стран Персидского залива, Израиля и Турции. Эта тенденция продолжилась и в 2025 году: доходы от путешествий и туризма выросли на 5,1% по сравнению с предыдущим годом и достигли рекордных 3,6 млрд долларов США в январе–сентябре 2025 года, что свидетельствует об устойчивости сектора услуг. Параллельное расширение экспортных услуг в сфере ИКТ и программного обеспечения, предоставляемых грузинскими компаниями и перемещенными техническими командами, в основном в ЕС и США, способствовало росту экспорта услуг, а информационно-коммуникационная деятельность была одним из ведущих факторов экономического роста в 2025 году. Эти внешние потоки стабилизируют макроэкономическую среду, поддерживают потребление и финансируют импорт. Эти потоки поддерживают потребление и импорт и помогают стабилизировать платежный баланс. Однако они различаются по своей ценности в долгосрочной перспективе: туризм и денежные переводы носят более циклический характер и чувствительны к геополитическим факторам, в то время как экспорт ИКТ и профессиональных услуг является более «структурным», поскольку может включать в себя навыки, инновации и торговые возможности. В целом, внешние потоки являются сильными краткосрочными драйверами, однако только торгуемые услуги могут надежно поддержать долгосрочный экономический рост.

Миграционный шок: ввозимый спрос и капитал. С 2022 года большой приток мигрантов из России, Украины и Беларуси привнес в Грузию новый спрос, навыки, капитал и деловые связи. Это стимулировало развитие ИКТ-услуг, рынок недвижимости, арендную деятельность и потребление — факторы, которые были одними из самых сильных факторов роста с 2022 года по настоящее время.

² Старший научный сотрудник Rondell Foundation

время, но также и одними из самых уязвимых. Рост, обусловленный миграцией, является структурно обратимым и уязвимым к геополитическим изменениям. Хотя официальная статистика не дает полной разбивки показателей по статусу мигрантов, продолжающийся рост в сфере информационных, коммуникационных и профессиональных услуг в 2025 году свидетельствует о сохраняющейся динамике в секторах, где сосредоточены переместившиеся таланты.

Реэкспорт и реорганизация торговли. Рост Грузии как центра реэкспорта — особенно автомобилей и потребительских товаров, импортируемых из США, Японии и ЕС через грузинские порты в Казахстан, Кыргызстан, Армению, Азербайджан и Россию — способствовал росту логистики, оптовой торговли и таможенных поступлений. Реэкспорт стал заметным двигателем роста: экспорт товаров, включая реэкспорт автомобилей, значительно вырос в первой половине 2025 года, причем реэкспорт автомобилей увеличился более чем на 30%. Рустави и Поти превратились в крупные центры автомобильной торговли и логистики, что способствовало увеличению грузооборота и таможенных поступлений. В 2025 году порты Поти и Батуми продемонстрировали значительный рост: увеличился грузооборот, расширилась обработка автомобилей, а контейнерные перевозки выросли по сравнению с предыдущим годом, укрепив роль Грузии как регионального торгового узла. Однако этот двигатель по-прежнему в значительной степени зависит от режимов санкций, транспортных коридоров и геополитических условий, что ограничивает его долгосрочную устойчивость.

Внутренний спрос, кредитование, строительство. Сильное потребление, расширение кредитования и бурное развитие строительства и жилищного сектора усилили рост. Строительство в значительной степени является производным, реагируя на приток капитала и спрос, а не генерируя свою производительность. Эти секторы приносят быструю краткосрочную прибыль, но несут в себе риски перегрева, инфляции активов и резких корректировок. Бурное развитие секторов жилищного и коммерческого строительства в таких городах, как Тбилиси и Батуми в 2025 году, демонстрирует эту тенденцию: рост активности в сфере строительства жилья и расширение ипотечного кредитования поддержали рост строительства. Рынок недвижимости остается активным, с устойчивым объемом сделок и ростом средних цен в годовом исчислении в жилом секторе Тбилиси. Финансовая и страховая деятельность стала одним из самых быстрорастущих секторов в 2025 году, с ростом реальной добавленной стоимости на 11,8 % во втором квартале и 14,7% в третьем квартале, что составляет около 4,5–4,8% ВВП. Действительно, этот рост не является автономным двигателем роста, а скорее отражает углубление финансовой системы и кредитного посредничества, связанное с миграционными потоками, расширением строительства и недвижимости, ростом торговой активности и масштабированием ИКТ и профессиональных услуг. Важно, что официальные оценки роста в конце 2025 года показывают снижение прямого вклада строительной деятельности в рост ВВП, даже несмотря на расширение других секторов, что указывает на некоторое замедление в этом цикле.

Сельское хозяйство и рыболовство

В 2024–2025 годах добавленная стоимость в сельском хозяйстве демонстрировала слабую и неравномерную динамику, что отражало погодные факторы, более низкий рост производительности и структурные ограничения в секторе. Хотя сельское хозяйство по-прежнему составляет значительную долю годового ВВП (около 6–8% в год), его краткосрочный вклад в квартальный экономический рост остается ограниченным и нестабильным, что оправдывает его исключение из квартальных сравнений по отраслям.

Начавшаяся структурная трансформация. Наиболее перспективным каналом являются торгуемые виды деятельности с высокой производительностью — производство, логистика и современные торгуемые услуги (ИКТ, инжиниринг, аутсорсинг бизнес-процессов и профессиональные услуги), которые могут обеспечить устойчивый рост производительности и

способствовать конвергенции к долгосрочным уровням экономического роста. Данные показывают, что в 2025 году производство, транспорт и складирование, информация и коммуникации, а также профессиональная, научная и техническая деятельность внесли значительный положительный вклад в рост, отражая структурную эволюцию, выходящую за рамки временных факторов. Примерами могут служить продолжающееся расширение логистической инфраструктуры, связанной со Средним коридором, ускорение спроса на складские помещения и рост разрешенных площадей, что отражает более глубокую интеграцию в региональные цепочки создания добавленной стоимости. Между тем рост в сфере разработки программного обеспечения, финансовых технологий, аутсорсинга бизнес-процессов и инженерных услуг продолжает диверсифицировать экспорт, обслуживая рынки в ЕС, США и регион Ближнего Востока и Северной Африки.

Временный рост vs структурный рост

Для оценки устойчивости высоких темпов роста Грузии полезно провести различие между источниками, обеспечивающими сильный краткосрочный импульс, и источниками, повышающими долгосрочный потенциал. В таблице 2 представлена качественная типология основных источников роста, определяющих динамику развития Грузии в 2024–2025 годах. Внешние потоки — доходы от туризма и денежные переводы — дали значительный немедленный импульс, но по-прежнему подвержены геополитическим и циклическим потрясениям. Потоки, связанные с миграцией, и «импортируемый спрос» усилили потребление и активность в сфере услуг, но являются структурно обратимыми. Реэкспорт и логистика выиграли от реорганизации торговли, но при этом по-прежнему зависят от санкционных режимов и динамики коридоров. Внутренний спрос, кредитование и строительство в основном действуют как усилители и могут создавать риски перегрева. Напротив, расширение торгуемых и более высокопроизводительных секторов — ИКТ, производство и бизнес-услуги — предлагает наиболее устойчивый путь развития.

Таблица 2. Качественная оценка источников экономического роста Грузии (2024–2025)³

Источники роста	Немедленный эффект	Устойчивость	Качественный долгосрочный эффект
Внешние поступления (туризм, денежные переводы)	Высокий	Средний	Средний
Миграционный шок & импортируемый спрос	Высокий	Низкий	Низкий – Средний
Торговый ре-экспорт & логистика	Средний	Низкий – Средний	Средний
Внутренний спрос, кредитование, строительство	Средний	Низкий	Низкий
Структурные сектора (ИКТ, обрабатыв. пром-ть, услуги)	Растущий	Высокий	Высокий

Таким образом, успех Грузии в экономическом росте основан на парадоксе: ее самые сильные двигатели в настоящее время являются одновременно и самыми неустойчивыми.

³ В этой таблице ключевые каналы роста классифицируются по (i) непосредственному макроэкономическому воздействию, (ii) ожидаемой устойчивости и (iii) долгосрочному качеству развития. Классификация является аналитической оценкой автора, основанной на данных национальных счетов и динамике секторов GeoStat, а также показателях платежного баланса Национального банка Грузии.

Заключение: хрупкий успех

Быстрый рост Грузии в 2024–2025 годах является реальным и экономически значимым, но он также структурно несбалансирован. Во многом этот рост был обусловлен притоком капитала (туризм, денежные переводы, капитал, связанный с миграцией), изменением структуры торговли и реэкспортом, а также секторами, чувствительными к спросу, такими как строительство и кредитование. Эти каналы могут быстро стимулировать рост, но они уязвимы к потрясениям и обратимым тенденциям — геополитических сдвигов, динамики санкций и изменений в миграционных потоках. Ключевой вопрос заключается в том, станет ли нынешний подъем платформой для устойчивой конвергенции или пиком временного бума. Для преобразования высоких темпов роста в развитие необходимо использовать сегодняшние благоприятные условия для укрепления международной конкурентоспособности Грузии и расширения доли торгуемых секторов с более высокой производительностью. Приоритеты включают: (1) перенаправление инвестиций и политическую поддержку экспортно-ориентированных видов деятельности (ИКТ и современные торгуемые услуги, производство, логистика); (2) модернизацию человеческого капитала и инновационных систем для повышения производительности; (3) улучшение качества и предсказуемости институтов для привлечения долгосрочных инвестиций; и (4) управление кредитными и строительными циклами для снижения перегрева и обеспечения того, чтобы ресурсы не были заблокированы в низкопроизводительных видах деятельности. Одним словом, общий рост Грузии может сохраниться только в том случае, если временные непредвиденные доходы будут рассматриваться как ускорители структурных преобразований, а не как их замена им.

Вставка II:

Тенденции в сфере банковского кредитования в Кыргызской Республике: источники и экономические последствия

Разия Абдиева⁴

За первые девять месяцев 2025 года объем непогашенных кредитов коммерческих банков в национальной и иностранной валютах увеличился с 347,2 млрд сомов до 460,6 млрд сомов, что свидетельствует о быстром расширении банковских кредитных портфелей (Рисунок 10).

Рисунок 10. Объемы депозитов и кредитов в Кыргызской Р., в течение 9 месяцев 2025 года

Источник: Бюллетень НБКР, №09/2025

К концу первого квартала 2025 года кредитный портфель банковской системы увеличился на 9,0% в квартальном исчислении, достигнув 371,5 млрд сомов. Рост кредитного портфеля был в основном обусловлен увеличением кредитов, номинированных в национальной валюте, которые выросли на 10,3% до 300,5 млрд сомов. Расширение кредитования в национальной валюте в первом квартале было в основном обусловлено ростом потребительских кредитов (+16,4%), кредитов на торговые и коммерческие операции (+9,4%) и ипотечных кредитов (+7,0%) (НБКР, 2025а).

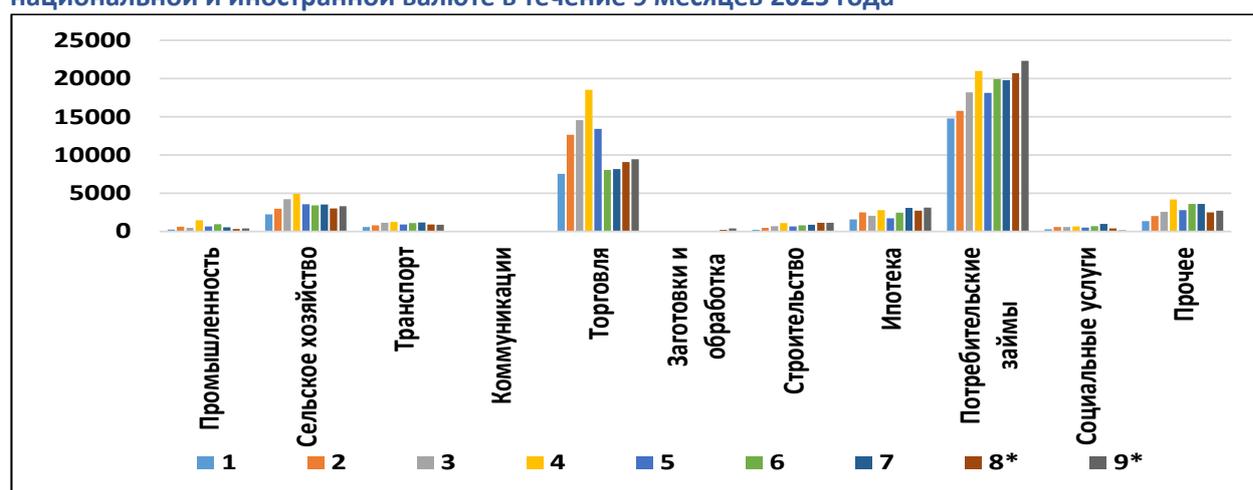
Во втором квартале 2025 года продолжалось активное кредитование экономики. К концу второго квартала 2025 года кредитный портфель банковской системы увеличился на 12,2% по сравнению с предыдущим кварталом и достиг 416,9 млрд сомов. Объем потребительских кредитов вырос как в номинальном выражении (в 2,1 раза), так и в реальном, что способствовало повышению экономической активности. Кредитный портфель банков в национальной валюте увеличился на 54% за год. Рост кредитования в национальной валюте был поддержан увеличением потребительских кредитов (+18,7%), ипотечных кредитов (+8,9%) и кредитов для торговли и коммерческих операций (+8,0%).

Реализация инфраструктурных проектов и строительство жилья, в том числе в рамках мер, принятых Кабинетом Министров Кыргызской Республики, способствовали расширению строительной деятельности по всей стране. Кроме того, было зафиксировано увеличение на 69,9% объема вновь выданных ипотечных кредитов, что еще больше стимулировало рост сделок с недвижимостью (НБКР, 2025b).

⁴ Ассоциированный профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас

В третьем квартале 2025 года кредитный рынок продолжил активную экспансию. За квартал кредитный портфель банковской системы увеличился на 10,5% и достиг 460,6 млрд сомов. С начала года рост кредитования составил 35,2%. Основным драйвером роста стало расширение кредитов в национальной валюте, которые выросли на 10,8% до 378,6 млрд сомов. Рынок кредитов в национальной валюте продемонстрировал высокий годовой рост на 57,2%. Спрос на кредиты в национальной валюте поддерживался ускоренным кредитованием ключевых секторов, в первую очередь потребительских кредитов (+16,5%). Положительные тенденции наблюдались также в ипотечном кредитовании (+10,5%), сельскохозяйственном кредитовании (+3,1%), а также в кредитовании закупок и переработки, которое увеличилось до 4,9 млрд сомов. Положительную динамику продемонстрировало и кредитование в иностранной валюте (+9,1%), причем наибольший вклад в рост внесли кредиты на торговые и коммерческие операции (+9,9%). В то же время благоприятные тенденции наблюдались в строительстве (+15,1%), потребительском кредитовании (+28,8%) и ипотечном кредитовании (+12,7%) (НБКР, 2025с). (Рисунок 11)

Рисунок 11. Объемы выданных кредитов коммерческими банками в Кыргызской Р., в национальной и иностранной валюте в течение 9 месяцев 2025 года

* предварительные данные

Источник: Бюллетень НБКР, №09/2025

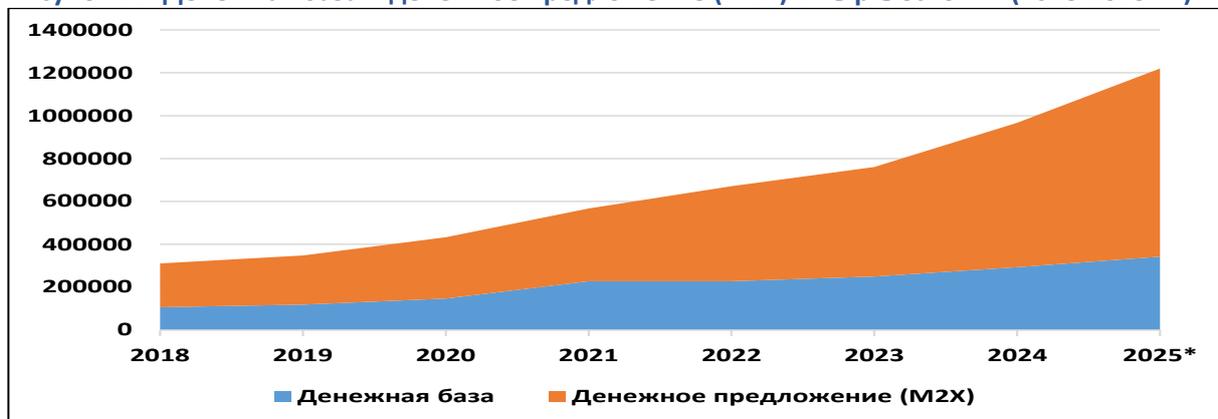
Ресурсная база банковского кредитования

За первые девять месяцев 2025 года депозитная база значительно расширилась, увеличившись с 611,3 млрд сомов до 804,1 млрд сомов. Депозиты оставались основным источником, поддерживающим кредитные возможности банков и укрепляющим их финансовую базу. Это расширение создало благоприятные условия для устойчивого роста кредитования в 2025 году и усилило способность банков финансировать расширение кредитования за счет внутренних источников финансирования (Рисунок 12).

В 2025 году рост денежной базы сыграл важную роль в поддержке ускоренного расширения банковского кредитования в Кыргызской Республике (Рисунок 13). В первом квартале 2025 года денежная база расширилась, и положительная динамика наблюдалась по всем денежным агрегатам. Темпы количественного роста превысили как предыдущий квартал, так и соответствующий период предыдущего года. Основным фактором этого роста стало значительное увеличение по сравнению с предыдущим годом депозитов до востребования в национальной валюте (средства, хранящиеся на расчетных и депозитных счетах), на 93,5%, а также увеличение срочных депозитов в национальной валюте на 36,0%. Эта тенденция была обусловлена макроэкономическими условиями, наблюдавшимися в первом квартале 2025 года, в том числе активизацией деятельности в строительном и торговом секторах, ростом инвестиций в основной капитал и увеличением средней номинальной заработной платы. Эти события способствовали

росту доходов домохозяйств и предприятий, создав тем самым условия для расширения средств, хранящихся на расчетных счетах для текущих нужд, и увеличения срочных сберегательных депозитов (НБКР, 2025а). К концу третьего квартала 2025 года денежная база составила 342,0 млрд сомов, продемонстрировав годовой рост на 24,7%. Основной вклад в общий рост денежной базы внесло увеличение чистых иностранных активов, в частности рост международных резервов в виде золота (рост на 22,2%) (НБКР, 2025с: 26).

Рисунок 12. Денежная база и денежное предложение (M2X) в Кыргызской Р. (2018-2025 гг.)

Источник: Бюллетень НБКР, №09/2025

Рисунок 13. Объемы выданных кредитов и принятых депозитов в Кыргызской Р. (2018-2025 гг.)

Источники: Бюллетень НБКР, №09/2025

Устойчивый профицит бюджета оказывает положительное влияние на условия кредитования в экономике. Снижая потребность правительства во внутренних заимствованиях, он ограничивает конкуренцию между государственным и частным секторами за банковские ресурсы и снижает риск вытеснения. Это позволяет коммерческим банкам направлять большую долю своей ликвидности на кредитование частного сектора, поддерживая рост кредитования. В целом, благоприятная бюджетная политика в 2025 году создала условия для расширения банковского кредитования в стране.

Еще одним важным фактором роста кредитования в Кыргызстане в 2025 году стало быстрое расширение онлайн-кредитования. Цифровые кредитные платформы, в основном сосредоточенные в сегментах потребительского и микрокредитования, значительно снизили транзакционные издержки, сократили сроки одобрения и расширили доступ к кредитам для домохозяйств и малых предпринимателей. В результате количество кредитов резко возросло за счет высокой частоты выдачи небольших краткосрочных кредитов через мобильные приложения и каналы онлайн-банкинга. Хотя средний размер онлайн-кредитов оставался относительно

небольшим, их совокупный эффект внес значимый вклад в общее расширение кредитования, особенно в сфере потребительского кредитования, тем самым поддерживая внутренний спрос и ускоряя денежное обращение. Однако онлайн-кредитование привело к росту числа случаев мошенничества в сфере цифровых финансов, и в ответ на эту проблему с 1 ноября 2025 года был введен механизм самоограничения. Эта система позволяет физическим лицам добровольно запретить выдачу новых кредитов или займов на их имя и направлена на защиту потребителей от несанкционированного кредитования с использованием поддельных или похищенных документов, удостоверяющих личность (Kwan, 27.11.2025).

Экономическое воздействие кредитных операций банков

В первом квартале 2025 года расширение потребительского кредитования стало одним из ключевых факторов, способствовавших укреплению внутреннего спроса в Кыргызской Республике. Рост реальных доходов домохозяйств, продолжающийся рост потребительского кредитования и увеличение притока трансграничных денежных переводов еще больше укрепили условия внутреннего спроса. В результате реальный рост ВВП в первом полугодии 2025 года достиг 11,4% (НБКР, 2025b).

Расширение банковского кредитования реального сектора наряду с устойчивым ростом потребительского кредитования способствовало повышению уровня потребления и инвестиционной активности во всех секторах экономики. Повышенная экономическая активность домохозяйств и предприятий способствовала значительному росту кредитного портфеля в национальной валюте в течение первых девяти месяцев 2025 года.

Хотя ускорение внутреннего спроса значительно стимулировало экономическую активность, оно также вызвало инфляционное давление в среднесрочной перспективе. В третьем квартале 2025 года инфляция в Кыргызской Республике ускорилась до 8,9% по сравнению с 7,7% во втором квартале (в квартальном и годовом исчислении). В сентябре 2025 года инфляция составила 8,4% в годовом исчислении, что отражает растущее влияние давления со стороны спроса на динамику цен (НБКР, 2025с: 27).

По предварительным оценкам Национального статистического комитета, рост ВВП в 2025 году увеличился на 11,1% по сравнению с предыдущим годом (www.stat.kg, 22.01.2026). В то же время инфляция превысила целевой диапазон 5–7% и достигла 9,2% в годовом исчислении. В ответ на это Национальный банк повысил базовую (ключевую) процентную ставку до 11% (НБКР, <https://www.nbkr.kg>, 22.01.2026г). В совокупности эти события указывают на повышенное давление со стороны спроса и требуют тщательного мониторинга для оценки потенциальных рисков перегрева экономики.

Ссылки:

Бюллетень Национального банка Кыргызской Республики, №9/2025г,

<https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=137&lang=ENG>, 26.12.2025г.

НБКР, (2025а) Отчет о денежно-кредитной политике, 1 кв. 2025 г, Бишкек, май 2025г,

<https://www.nbkr.kg/DOC/10062025/000000000064691.pdf>, извлечено 26.12.2025г.

НБКР, (2025b) Отчет о денежно-кредитной политике, 2 кв. 2025 г, Бишкек, август, 2025г,

<https://www.nbkr.kg/DOC/02092025/000000000065488.pdf>, извлечено 26.12.2025г.

НБКР, (2025с). Отчет о денежно-кредитной политике, 3 кв. 2025 г, Бишкек, ноябрь, 2025г.

<https://www.nbkr.kg/DOC/04122025/000000000066266.pdf>, извлечено 26.12.2025г.

Национальный статистический комитет Кыргызской Р, зарплаты по экономической классификации,

<https://stat.gov.kg/ru/statistics/trud-i-zarabotnaya-plata/>, извлечено 01.01.2026г.

Kwan, S. "Over 62% of All Microloans in Kyrgyzstan Are for Consumer Purposes"

https://timesca.com/over-62-of-all-microloans-in-kyrgyzstan-are-for-consumer-purposes/?utm_source=chatgpt.com, извлечено: 22.01.2025

<https://stat.gov.kg/ru/news/po-itogam-2025-goda-rost-vvp-sostavil-111-procenta>

Вставка III: Влияние «дзуда» на экономику Монголии

Тувшинтогс Батдэлгэр⁵ & Номун Энхболд⁶

Дзуд — это природное явление в Монголии, характеризующееся суровыми зимними и ранними весенними условиями, которое серьезно ограничивает выживание скота и приводит к широкомасштабным потерям. Оно проявляется в различных формах, которые уменьшают количество доступного корма. Сильные снегопады могут приводить к накоплению и уплотнению снега, что мешает скоту добираться до корма; это явление называется «белым» дзудом. В конце зимы и в начале весны повышение температуры может привести к таянию снега, а резкое понижение температуры может в очень короткие сроки привести к образованию слоев льда на пастбищной растительности, что делает выпас скота невозможным. Это явление известно как «железный» или «ледяной» дзуд.

О наступлении дзуда официально объявляет Институт гидрометеорологии и экологических исследований 31 января каждого года, основываясь не только на глубине и плотности снежного и ледяного покрова, но и на ряде других факторов, включая рост растительности предыдущим летом, отклонения средней температуры воздуха от долгосрочных норм, минимальные суточные температуры воздуха и количество дней с сильными ветрами.

На протяжении последних двух десятилетий все более частые и интенсивные случаи дзуда создают растущую угрозу как для животноводческого сектора, так и для экономики в целом. В Монголии сельское хозяйство является вторым по величине сектором экономики после горнодобывающей промышленности, а на долю животноводческого сектора приходится около 90% сельскохозяйственной продукции. Хотя до 2008 года животноводство обеспечивало более 15% ВВП, быстрое развитие горнодобывающей промышленности привело к сокращению его доли до 10–11% в последние годы. Экспорт животноводческой продукции, который когда-то составлял более 7% от общего объема экспорта, сократился до примерно 4% с начала пандемии COVID-19.

Несмотря на снижение, сектор остается чрезвычайно важным. За последние 17 лет поголовье скота увеличилось с 43 млн до 70 млн голов, и сектор обеспечивает большую часть продуктов питания животного происхождения в стране. Его зависимость от традиционного кочевого скотоводства и условий окружающей среды делает его особенно уязвимым к экстремальным погодным явлениям, таким как дзуд.

Дзуд неоднократно наносил огромный ущерб пастушеским хозяйствам Монголии (Рисунок 14). Данные Национального статистического управления показывают, что в период с 1999 по 2002 год было потеряно около 10,3 млн голов скота, что составляет 30,8% от общего поголовья. В 2009–2010 годах потери составили 10,2 млн голов скота, что составляет 23,1% от общего поголовья. Совсем недавно, в 2022–2024 годах, дзуд привел к потере 14,1 млн голов скота, что соответствует 19,9% национального поголовья.

Прогнозы на зиму 2025–2026 годов указывают на возможное продолжение дзуда. Общая оценка риска дзуда, проведенная Национальным агентством по метеорологии и мониторингу окружающей среды в декабре 2025 года, показала, что 23% территории страны подвержены очень

⁵ Национальный университет Монголии и Экономический исследовательский институт, Монголия

⁶ Экономический исследовательский институт, Монголия

высокому риску дзуда, а 58% — высокому риску, причем 11 из 21 провинции страны классифицированы как подверженные высокому риску (NEMA 2025).

Рисунок 14. Падение поголовья скота и рост ВВП сельскохозяйственного сектора в Монголии, 1995-2024 гг.

Источники: Национальное статистическое агентство, и Министерство продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии

Следует отметить, что изменение климата привело к увеличению как частоты, так и интенсивности проявлений дзуда (MECC 2015) за счет изменения характера осадков и усиления экстремальных температур, что способствует появлению описанных выше проявлений дзуда. Оценки риска бедствий показывают, что к 2050 году площадь территорий с высоким риском дзуда увеличится на 10,4 процентных пункта, а территорий с очень высоким риском — на 17,4 процентных пункта по сравнению со средними показателями за 2020–2022 годы (NEMA 2023). По мере усиления последствий изменения климата ожидается дальнейший рост экономических издержек, что еще больше затруднит усилия государственных органов по защите скота и жизнеобеспечению населения.

Экономические последствия дзуда наиболее остро ощущаются на уровне домохозяйств. Животноводство остается основным источником дохода для более чем 190 000 скотоводческих домохозяйств, что составляет около 20% всех домохозяйств. Для этих домохозяйств скот одновременно представляет собой активы, доход и социальный статус. Когда наступает дзуд, он напрямую подрывает их экономическую основу из-за потери текущего дохода, активов и будущего производственного потенциала. Хотя меры по предотвращению, преодолению и адаптации к дзуду принимаются, они остаются недостаточными в условиях экстремальных явлений. Во время дзуда 2010 года 75 000 домохозяйств потеряли более половины своего скота (Sternberg 2010). В ходе последнего эпизода дзуда, по состоянию на апрель 2024 года, около 5000 домохозяйств потеряли более 70 % своего скота (ЮНИСЕФ, 2024). Исследование социально-экономических последствий дзуда 2023–2024 годов, основанное на данных из четырех пострадавших провинций, показало, что реальный доход на одного члена семьи, по оценкам, снизится в среднем на 9–20% после этого явления (ПРООН, 2025). В исследовании также подчеркивается, что домохозяйства, владеющие от 201 до 500 голов скота в провинциях Дорнод, Завхан и Сухбаатар, подвержены очень высокому риску попадания в бедность.

Помимо воздействия на домохозяйства, дзуд имеет значительные краткосрочные последствия для макроэкономики из-за центральной роли животноводческого сектора в сельском хозяйстве. В годы дзуда 2022–2024 гг. реальный ВВП сельского хозяйства (в постоянных ценах 2015 г.) резко сократился на 35 %, что привело к снижению совокупного роста ВВП на 1,3 и 3,6 процентных пункта в 2023 и 2024 гг. соответственно (NSO 2025). В результате доля животноводческого сектора в ВВП снизилась до 6,1% в 2024 году. На уровне провинций, где животноводство обычно составляет в среднем около 45% ВВП провинции (за исключением городских и крупных горнодобывающих провинций), его доля сократилась до 31% из-за дзуда. Экспорт животноводческой продукции, в

котором преобладают низкообработанный кашемир и готовые текстильные изделия из кашемира, также сократился, упав на 7,6% в годовом исчислении в 2024 году.

Таким образом, дзуд не только нарушает жизнедеятельность домохозяйств, но и приводит к более общей макроэкономической нестабильности. В итоге эти явления, вызванные изменением климата, подрывают сравнительное преимущество Монголии в скотоводстве и угрожают устойчивости развития сельских районов.

В долгосрочной перспективе экстремальные холода, низкий уровень осадков и короткий вегетационный период ограничивают запасы природного корма, который является основным источником питания в кочевом животноводстве, что делает крупномасштабное дополнительное кормление экологически нецелесообразным. В сочетании с логистическими и экономическими барьерами эти условия ограничивают возможности применения адаптационных и смягчающих стратегий, таких как переход на альтернативные пастбища, сезонные перемещения скота, диверсификация состава стада, заготовка и хранение кормов и сена, а также торговля домашним скотом, что оказалось недостаточным для полной компенсации потерь во время суровых погодных явлений.

Эти меры, принимаемые на уровне домохозяйств, подчеркивают фундаментальную проблему: сообщества скотоводов остаются по своей сути уязвимыми, а растущая интенсивность и непредсказуемость дзуда превышают возможности традиционных мер реагирования. Признавая это, правительство с разной степенью успеха реализовало ряд мер, направленных на снижение уязвимости, ограничение потерь и оказание помощи в восстановлении. К ним относятся системы раннего предупреждения, индексная страховка скота, целевое распределение кормов в провинциях с высоким риском и пострадавших провинциях, программы пополнения поголовья скота и условные меры помощи, такие как отсрочка выплаты кредитов во время экстремальных явлений. Помимо этих реактивных мер, содействие диверсификации источников дохода сельских домохозяйств, переориентация животноводства с количественного расширения стад на производство более высокого качества и с добавленной стоимостью, а также содействие созданию рабочих мест в сельских районах могут еще больше повысить устойчивость скотоводов к дзуду.

Ссылки:

МЕСС. 2015. Вклад Монголии в смягчение последствий глобального изменения климата. Министерство окружающей среды и изменения климата. https://www.jcm-mongolia.com/wp-content/uploads/2015/10/INDC_Full-Documents_MON_2016.pdf

НЕМА. 2023. «Управление рисками стихийных бедствий». Национальное агентство по чрезвычайным ситуациям.

НЕМА. 2025. Риск суровых зимних условий является «очень высоким» на 23 % всей территории.

Национальное агентство по чрезвычайным ситуациям, декабрь 16. <https://nema.gov.mn/post/170807>

NSO. 2025. Монгольский статистический ежегодник 2024. Национальное статистическое управление.

Sternberg, Troy. 2010. "Unravelling Mongolia's Extreme Winter Disaster of 2010." *Nomadic People* 14 (1): 72-86. doi: <https://doi.org/10.3167/np.2010.140105>

ПРООН. 2025. «Оценка социально-экономических последствий дзуда 2023–2024 годов и рекомендации по стратегии обеспечения устойчивости к дзуду». Программа развития ООН.

ЮНИСЕФ. 2024. «Отчет о гуманитарной ситуации № 4: Дзуд.»

https://www.unicef.org/media/156161/file/Mongolia_Humanitarian_Situation_Report_No._4_%28Dzud%29_30_April_2024.pdf

Институт Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества (ЦАРЭС)

г. Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика

ф: +86-991-8891151

km@carecinstitute.org

LinkedIn

www.carecinstitute.org